

Ермолаев И.О.

г. Москва

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К.Д. Ушинского
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108

Первый тур

Шифр работы -

77-85

Класс-

11

K1

K2

K3

K4

K5

Итого

0-10-20-30

0-5-10-15

0-3-7-10

0-3-7-10

0-1-3-5

70 б.

20

12

8

10

4

548

Подпись проверяющего №1
(с расшифровкой)

Подпись проверяющего №2
(с расшифровкой)

Подпись
председателя жюри
(с расшифровкой)

Козымова

МФ

Козымова А.В.

Борисовская М.Ю.

В. Пем

Пенская Е.Н.

ские" - неточны; например, "попилаю - рассты-
ная", "Трамвай - окружает", "ныфает - (опять же!)
Трамвай". Лексика произведения небогатая, одни
и те же слова (как можно видеть уже из приме-
ров рифм) повторяются в стихотворении по многу
раз. "Стихи о соловье и поэте" можно назвать
современной Баллада: в стихотворении прослежива-
ется сюжет - лирический герой покупает соловья
в клетке, и в радиоточку посылает амфибрахия,
запертого в классический катрен аяаб, вступает
наосе умильного торова:

«Кто мне продавец:

«Покупаете? Вот

Как птица моя на базаре поёт!..»

Лирический герой откликается на смену рит-
ма стихотворения, приносит соловья домой... но
гу! - где его дом?

«Нас двое...

И нашего номера нет...»

"Двое" засасывает гора с его трамваем, зер-
калами, звонками; это неласковое, на взрыве кон-
фузного, расформированное становится домом и соловья
и его хозяйка - поэта. Стихотворение заканчи-

вается эллипсисом:

«Время мне в делёных кустах
Коленибра,

Как я арамлюю в азетник
«Метах...» -

и здесь мы уже внимательно подходим к освоению
содержания всего произведения в целом, не суще-
бо подробно; теперь мы также обретаем
способность говорить о "Стихах..." и их авторе
в контексте русской культуры в целом.

"Стихи о соловье и поэте" были созданы
Дарфизким в 1925 году. Это период твор-
ческого расцвета Дарфизкого, а для русской
литературы вообще это время "смены вех", т.е.
накладывающиеся друг на друга окончания
Среднего века и начала владычества в искус-
стве метода социалистического реализма. Дарфи-
цкий был одним из ярких представителей той, "ва-
ны" русской поэзии, которая наиболее полно во-
площала эту эпоху со всеми ^{ее} неизбежностями,
вспраем, для любой эпохи, но особенно остры-
ми в пору смены парадигм - кризиса творчества.
Поряд, который, в сущности, именно поэтами

Серебряного века выведен в противоположные грани литературных произведений (разумеется, под непосредственным влиянием Толстого и Достоевского, но «городская» ориентация того и другого - исключение для России XIX века), у Бодрицкого предстает, как и подобает пороку у русского поэта начала века XX-го, символом всего мироустройства. Пригём наш автор, как и основная часть русских творцов его генерации: М. Свиньин, Н. Тихонов, обэриуты, С. Кирсанов, - сочетает в своём мировоззрении отношение к городу как «первой балке» Серебряного века (условно - символизм), так и «второй» (с той же условностью - футуризм).

Совершенно необходимо подробное пояснение. В нём реализуется само отношение тех и других. Начнём с того, что «город» в принципе стал ареной Серебряного века во силу многогранного, как разогаривание в основах культуры, «деревенской» культуры. Герои Пушкина могут существовать большую часть своей жизни ~~в~~ в Петербурге или Москве - но большая часть произведений с огромной долей вероятности будет на-

вязана сравнительно кратко-временным визитом в деревню - только тут персонаж публикует в себе, по Вергилию, «жизни силы» и, условно говоря, слышит зов бытия. Большая часть жизни - в городе, а большая часть произведения - в деревне! - мысль о несправедливости такого положения дел впервые осмыслилась писателем, погнавшим свой интуитивный и творческий путь в качестве, пожалуй, самого лучшего в русской литературе «деревенщика»: И.В. Гоголем. И действительно, трудно помыслить более «деревенское» произведение, чем первый его сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки». Но сам переезд писателя в столицу заставляет его задуматься над проблемой Города, и Городу посвящено почти всё его позднее творчество. До неведомого завершения вопроса Ф.М. Достоевский, и, по нашему бесчисленности попыток писателей последующего поколения (Чехов - самый выдающийся пример, сельская жизнь для него - яркая декорация, как в повести «Сель», но не более; а за ним (все - лишь отчасти) Бушин, Куркин, Ко-

?
✓

роленко) вновь всерьёз обратить взор читателя к деревне, т.е. идиллии, молодым литераторам не осталось ничего, помимо необходимости осознать и характеризовать феномен Города.

Символизму Город очень не понравился абсолютно ростовские мотивы проливаются в «Фабрике» и многих других стихотворениях Блока; сердцем поэт был бы безмерно счастлив увести «незнакомку» из «вечеров над ресторанами» и передать радость любви в родине русскому интеллигенту всё ещё, в сущности, XIX века Александру Блоку, сельском ландшмарке. С этих настроений, только ожесточённых (ранний Маяковский) или мистически окрашенных (ранний Хлебников) начинается и футуризм - но века нети (ave, Революция!) Город или ерманивается, все жизнь теперь - в Городе.

Вот - самый краткий обзор материала на каждом валей-невалей творил Эдуард Багрицкий и поэты его поколения, (исключением родившимся в том же, что и Багрицкий, 1895 году Сергей Зеселин: погибший в 1925 году, когда Багрицкий написал «Стихи о соловье и

поэте») он не успел обозреть всего Серебряного века, не видел его сарьяного канца в кабинете Маяковского 14 апреля 1930-го. Впрочем, ещё не вполне осмысленные, настроения «Багрицкого» поколенье можно схватить у него и у Зеселина.)

Так вот, естественной задачей ~~по~~ после днего поэта Серебряного века и первого поэта новой эпохи (мы не настаивали бы на термине «сюрреализм», а более точно не существует), каковым с нашим правом можно назвать Эдуарда Багрицкого, было проведение итогов Серебряного века, а значит, как следует из приведённого выше обширного отступления, давая внятного и законченного определения феномену Города, над которым так одинаково равно и так существенно по-разному билось предыдущее поколение.

Город полон цвета, света и звука. Факт? - спрашивает себя Багрицкий, - Факт, - отвечает он сам себе и читателю:

«Весеннее солнце гробится в глаза», - сама сирочка - звонкая, полная жизни. Но звон мо-

нет быть праздничным и пофреатовым, что и
говорить о жизни? Читаем далее:

«Два солнца навстречу: одно над землей,
Другое - расшуменным взрывом самовара».

Как по-маковски это сказано! Невозможно
не вспомнить тут «Необычайное приключение, быв-
шее с Владимиром Маяковским летом на даче»,
где поэт и солнце разговаривают на равных, и
слово поэта приравнивается к светению солнца.
Солнце земное - рядом с солнцем небесным: ка-
кой в этом футуризм, какое следование револю-
ционному идеалу, какая живаясь Жиликова!
Все это очень хотелось бы празднество всерьез,
а выходит иронично: «расшуменный взрыв само-
вар» - так и вправду сказал бы Маяковский,
это вообще хорошо сказано: «Расшуменный взрыв
но... Но Маяковский самовары презирал, он бы
такими словами ~~не говорил~~ ^{прошептывался} над признаками
духача революционно мещанского быта. А Баг-
ряцкому - словно бы нравится: не поэт у него
в роли земного солнца, но самовар - и что же?
Все правильно, и самовар способен, подобно
солнцу, «кипеть на столе - / Меш гашек и

острых кусков рафинада».
«От солнца, от света
звонит голова...» -

ах, как это ярко, солнечно, радостно! Вам ра-
достно, когда у Вас звонит голова? Нам - не
радостно, и Багряцкому, надо полагать, не в ра-
дость вы этот звон, и перво его стихов, и соло-
вью, поэтому не услышать за этим звоном - в
голове у слушателя, а также способствующим
явлению такого бесконечным звоном зеркал
и звонков. А солнце? - хорошо ли то солнце,
от которого Москва тлеет? Маяковский, если
это не то, на его взгляд, выборило светило, не
крикнуть ему: «Слазь!» - и солнце «слазь», за-
ходить к поэту «на гад», и они вместе разбирают
интересующие их вопросы. Багряцкий много у
солнца не спросит, от солнца у него - звон в
ушах и дрожь в ногах, от солнца - рифма
«ушах-ногах»... Одна скорбь от солнца,
хоть и бодрими прикидываются «Стихи о со-
лнце и поэте». Поэт бежит от солнца (пока
лишь намекая будущий план рассуждений, при-
помнил песню Пела Кораленко «Солнце комму-

нидма") к соловью, "перелуке, полночи и лирике
Дюга". Не помогает! - "весеннее солнце дробится
в глазах", то, с чего начиналось стихотворение,
повторяется вновь. "Земле распадаюся. Падець
дождя".

Приняв тем повесть обстоятельный разго-
вор о "структуре" сонета (которое, наравне с
порядом, главный действующий персонаж стихот-
ворения Бодрицкого, далеко до него соловью и
поэту) коснёмся всё же влечения - то ли дру-
к другу, то ли одностороннего? - Бодрицкий не
уточняет - персонажей, обозначенных в названии
произведения. Наш поэт, мы выясним, насле-
дник всего русского Серебряного века, один из тех,
на чьё дело вышло проводить итоги этого времени.
У символистов к "соловьям" интересу не было -
старо. Андрей Белый "запускает в небо анана-
сом", Александр Блок "посылает герцину розу
в бокале / Золотого, как небо, аи". Соловьи им
ни к чему, соловьиёв они оставили сёстрам
Лариным и братьям Лубимым - Алвану и Ми-
родру: пускай их! - а у Блока, Белого, Брю-
сова, Бальмонта - "атмосфера" (пронесём это,

как подобает декаденту: выделение "о" и проговари-
вая "е" как "э") Урбани-
стическая, у них-ананасы и розы. Футуристы
скорее поняли, что "соловьи" и "ананасы" - яв-
ление одного порядка. То, чего Блок мог ещё
(допустил!) не услышать в разрывах бомб Русско-
японской войны и первой революции, Маяков-
ский уже не имел шансов не разобратъ в прохо-
де войны Импрессионистической. Какие соловьи?
О них ли нужно писать?! И не те ли же
"соловьи" - "ананасы"? И пусть Маяковский не
сразу понял, о чём именно следует писать (на-
чал с такатов, звонких на войну), интенция бы-
ла безусловно верной:

«Пока выкипчивают, рифмами тилкае,
из лобвей и соловьиёв какое-то варево -
улица корчится, беззвучная, -
ей нечем кричать и разбавлять».

Уже в 1914 году Маяковский ненави-
дел "соловьиёв", а к 1917-му окончательно уда-
стоверился, что и поэму нужно любить.

Откуда Бодрицкий? - слово в слово повто-

рши пренормированную формулировку: наследник всего русского Серебряного века, один из тех, на кого формула выпала поводить итоги этого времени - откуда он взял "соловьев", которых Серебряный век путём проб и ошибок, возненавидел? Маяковский видел противоположность всем его попыткам поэзии сначала в анаксагах Белого (хотя ценил в тех жизнелюбие и светлость, - об этом в "Я сам" сказано подробно), затем - в комарейках новых мещан. Каждое слово Маяковского было отрицанием идеи "соловья". Мы склонны считать, что стихотворение Эдуарда Багрицкого суть "отрицание отрицания", и подведение "соловья" в качестве итога Серебряного века означает разочарование в идеях Серебряного века.

Беспомощный соловей - друг и, похуже, единственный соперник поэта, не могущего уже говорить с самим собой и создавать "пороча с человеческим лицом". В "Стихах о соловье и поэте" - риторика Маяковского, взять хотя бы размер: "Весеннее солнышко дрожит в глазах", - где же мы это слышали? Да ведь в этом ответливо звучит "я вальсом бы выкружил биракранца!"

А кто говорил: "Любовь - специальность", кто писал стихи в тоне разговора: "Червонец не деньги! Берите!", кто первый драматизировал в поэзии? Но у Маяковского в этом - радость. "РОСТА" - "Зрелище", "амфицион в зубах навес" - работа тяжёлая, но нужная, и Маяковский способен быть нужным своему народу. У Багрицкого же - тон Брюсова в "Федуцицицицициках", приветствие тем, кто его понимает. Вроде Багрицко, вроде Ярко - а нет любви ни к Багрицкому, ни к Яркому: то ли "Ярко" застывает Багрицкому, то ли поэт не хочет "Ярко" сам (мы полагаем, что то и другое - две стороны одного явления) - но стих расхлебан, из положения "форма XIX века устарела" Багрицкий выводит рифмы в духе не "Пролетарий - Пролетарий", но "Трамвай - окружает", "столбики" вклиняет в платно стиха наобум, лишь бы были, раздвигает у него похуже-то "допет" (без всяких расхождений и развития "образа"), "огонь соловьиный (так-с!!) ошарашивает пролом в ушах" - что оставить от такой конструкции, помидов на неё трезвым взглядом? -

разве только предлог "в"?

В 1925 году солнце футуризма - "второй волны" Серебряного века, - солнце революций, мажорной идеи, к которой пришел (пусть все тех же проб и ошибок) Серебряный век, с определенностью закатывалось. Солнце осело манкой Малюха на плече нового императора Валина, - и революционному романтику Баррикуаду (вспомним замечательное: "... И красивый флаг над пузкою тачанной / Нам возвестит о правде непременной, / О Валин крусины и пушки!"), разумеется, не хотелось славить такую "революцию", такое "солнце". А с другой стороны, силы и страсти Маяковского, отрешившиеся от "чуждости" ради торжества поэзии, от поэзии - ради торжества правды, и от самой жизни, которая стала бы следствием обманной правды, у Баррикуады не было. Лучше соловьи, чем такой путь.

Впрочем, Эдуард Баррикуада был гестив, в 1931 году он, как и его герой Маяковский, забрался. Можно вести споры, стало ли Колу-шмуду лучше от этих ~~дел~~ самоубийств.

Очевидно одно: прекрасная и радостная Идея Модерна была сперва извращена, а затем осмеяна и забыта. Умира снова "коритал, безбарыкае", поэты - кто в мошле, кто в саловых, а кто - самый гестивый, как Баррикуада - соловьев мешет на мошлу.

Пора создавать Новый Модерн - с Новым Солнцем и без всяких саловьев.

Работа отличается конкретностью анализа, вписыванием стихотворения Э. Баррикуады в серьезно осмысленный историко-литературный контекст.

Однако эта осмысленная конкретность порождает некую нещадность анализа - слишком взыскательный взгляд автора работы.

Кроме того, следует отметить стилистические своеобразия данного сочинения, что нередко порождает ^{порождает} несогласия с

точки зрения интерпретации
и речи судейства

Н.Т. Кошелева Кошелева

М.Ю. Березовская МБ

Ермолаев И.О.

г. Москва

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
 ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
 ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
 «Ярославский государственный
 педагогический университет

Второй тур

Шифр работы

11-46

Класс

11

Задание № 1

К1 8 б (по 4 за каждый ответ)	К2 2 б	К3 10 б	К4 5 б	К5 5 б	К6 5 б	Итог: 35 б
8	2	10	5	5	4	34

Необходимые комментарии, пояснения, рецензия

Задание № 2

К1 3 б	К2 5 б	К3 12 б (по 4 за каждый тезис)	К4 5 б	Итог: 25 б
3	5	11	5	24

Необходимые комментарии, пояснения, рецензия

58

Подпись проверяющего № 1
(с расшифровкой)Подпись проверяющего № 2
(с расшифровкой)Подпись
председателя жюри
(с расшифровкой)

Буцкаш И

Аетарова Е.А.

Е. Пеме

И

Ает -

Пеме

Ответы на вопросы:

1.1. В художественном и эстетическом смысле школьника, автобиографического героя эссе Михаила Шмидкина, Борис Пастернак защищает, в первую очередь, место alter ego, но alter ego особого свойства. Герой не задает покойному Пастернаку вопросов, касающихся его души, но такой возможности от писателя и не требуется. Пастернак осознаётся героем в качестве идеала его самого, героя: им обоим, школьнику и его кулифу, «открыта сокровенная тайна мироздания», с помощью которой жизнь есть мятный Потоп, и вода прибывает по мере приближения человека к смерти; цель и смысл жизни — «спастись», сберечь от Потопа ту крупицу своего бытия, на которой восстановится будет бытие-в-общем. Школьник знает это, знает, что действительно совершить, чтобы это осуществилось: «Написать свою книгу. Найти нужные слова, которые переживут срок дней развернувшихся мледей небесных». Однако для него всё это — только в будущем, Пастернак же, соавторивший книгу и поставивший «последнюю точку» в тексте

11-46

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«Ярославский государственный
педагогический университет
им. К.Д. Ушинского»
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108

своей жизни и своей книги, пребывает для него гарантом того, что такое будущее в самом деле возможно.

1.2. Спасительная сила стихов из «Доктора Шивого» состоит для автобиографического героя эссе Михаила Шмидкина в том, что они дают героя веру в реальную, создаваемую бесконечностью жизни. Пастернака нет на кладбище под мощным камнем, великий поэт по первому зову мальчика является в мир, чтобы раствориться во всякой сущности этого мира. Происходит то, о чём А. Блок писал:

«И мир опять предстанет странным,
Окутанным в цветной туман», —

но главное даже не это. Главное, что понимает герой: если человека, плоть и кровь которого давно оставили Землю, верным способом «кликнуть» — он воскреснет, он снова станет жить на Земле во всей своей плотности и полноте, он договорит с тобой. Всякий человек ~~не~~ бросает в мир нечто, на воспомин-

нание о том кого-либо из живущих он всегда
готов встретиться из-под самого надгробья. Для
Бориса Пастернака этим „некто“ было слово,
и стихи из „Доктора Живого“ помогли герою
эссе Шмидкина установить связь с каят, явил
герою свою спасительную силу: герой понял, что
и он должен суметь оставить после себя свое
„Доктора Живого“, через которое возможно
воскрешение его самого. Оно стало быть, и в
„этой“ жизни его будет сопровождать, по слову
С. Надаха, „надежда на то, что всё будет так,
как мы захотим, и уверенность в том, что всё
стало так, как мы захотели“.

• Дни Радости •
* Эссе *

Моя учительница, та, что
преподавала мне все мыслимые и немыслимые пред-
меты в начальных классах, была добрейшей души
человек. На больших переменах в её кабинете соби-
рались три поколения, возмущающие детство, отроче-
ство и юность, вели с учительницей и друг с другом
зодушевные разговоры „обо всём и ни о чём“, рас-
сказывали гал. То были ученики Натальи Александровны из трёх классов: того, который она „вела“ в си-
сваемую пору, и двух её предидущих выпусков.
Родница в возрасте между первым и вторым, вто-
рым и третьим выпусками была летере года: не-
мало, если число ваших лет пока не измеряется
десятками, — однако не могу припомнить ни одно-
го случая обыкновенной в школьную пору вражды
на этой почве. Наталья Александровна умела не
только привлекать к себе детей даже после того,
как ~~похорош~~ узнал мертвай своего предела срок их
обучения в её классе, но и создавать в сфере своего
влияния дух всеобщей любви и заинтересованно-
сти друг в друге.

Наташа Александровна «вела» первый класс, а ушла в пятый, Денис - в девятый. Мы с Денисом были привлечены учителем пения и, по совместительству, вождем всей художественной культуры нашей школы к участию в праздничной концертной, приуроченной ко дню учителя. Денису была подготовлена роль ведущего, мне - поэма стихотворения К.Р. «К осени». Ужасное стихотворение; ужасно и то, что я сам выбрал его, никто не возмнил. Впрочем, это было - то было.

А было ведь и резко критическое отношение Дениса к значительной части заявленных на концерт номеров, и я вполне разделяла это отношение. Меня Денис (за какие, до сих пор интересуюсь, заслуги? - с мамой-то К.Р.) очень любил, на какой-то из больших перемен мы обдумали с ним мерзостно злостные, котловая - для нас, сузубо для нас, недостающих! - просветлившая скверь едва ли не все песни и шутки наших соотечественников. Сидели у Наташи Александровны, обстановка располагала к душевной беседе.

- Ну какие «ваши», какие могут быть «Ваши», скажи уже можно их петь? - негодная

Денис. Возмездием, ости, а после вот расил с элементарным выражением: - Вот ты группу «Кино» знаешь? Виктора Цоя?..

А знал понаслышке, а с того дня знаю основательно, если только не забыл того. В тот день я стал слушать русский рок, я слушал Цоя, Шевчука, Макаревича, и оставалось бы мне до сей поры «нормальным», находящим в жизни удовлетворение человеком, кады спустя полтора года после той беседы с Денисом я - уже по собственному своему почину - не послушал «Аквариум».

Требенищиков скоро заделался моим любимым поэтом. В его песнях заключался для меня весь мир, я слышал в них поэтические черты не всей мировой культуры. К моменту знакомства с творчеством Бориса Требенищикова я уже любил и сравнительно неплохо знал литературу и живопись, но первая попытка собрать из красок и строк ценную «картину в космосе» (по В. Сосифу) была осуществлена мною благодаря именно его текстам. «У него в кармане Сартр, у сограждан в лугах слугае-пятак», «В пале бродят Вишну с Кришной»

„Он скуп на слова, как Де Ниро“, „По Салару
Продит Будда и кричит «Амах аксар»“ — сколько
интересного есть на свете, о скольком я уже ро-
гадывалась и, вместе с тем, сколько всего не мо-
гу толком уместить в своей голове! А БТ, ду-
малось мне, может; я не сомневалась, что с его по-
мощью это получится и у меня.

Я любил в его стихах и песнях их каму-
щуюсь веселость: мир открывается герою лещо, „Бес-
печному русскому брадеге“ — „везде вокруг Эдем“.
Но главное слово тут — „камущаяся“: как ловко
управляется Уребешишков с Буддой, Амахом и За-
гофой, но:

„Малодви на небе нудю,
да не влезешь, еши стар“;

с каким задором поёт он про морского конька, но
~~выклом~~ выклом в ушах федерврик неведомых инди-
ских инструментов, и останется вот это:

„Морской конёк, морской конёк,

Ф железном небе хотя бы один слонёк!

А тоби снег дои ден, нужен один урлэк —

Бог тебе в помощь, морской конёк“.

БТ просто рассказывал мне о сложном, нефишу-

нуденко — о самом Трапезском.

Из его песни я узнал о многих
людах, кшпах и неормиданных,
что надывается, „культурных звездах“, его голос и
вырабду быи для меня голосом истины, голосом
абсолютного Мена, на которого Уребешишков
словно бы обращал ежедневно мой взгляд: взгляд,
~~каким~~ каким темн в платоневской пещере могли
бы ~~обозреть~~ обозреть своих двоимиков из крови и пло-
ти.

„Не критикуйте меня за ухаство,

Не стыдите разбитым лицом;

Я хотел бы вешаться на Ухаство

Или просто ходить под вешалом,

Но...“

Я слушал и читал Бориса Уребешишкова
несколько лет, я доверялся ему, пошалуи, во всем,
быи на его концерте, фотография его стала у меня
на книжной полке, я даже делал о нём научный
(якобы!) доклад... В один из дней я понял, что
его песни и речи не производят на меня никакого
впечатления. ~~В~~ Интервью с ним, которые я читал
и переписывал, показались мне состоящими из софиз-

лов, заветливые аранжировки песни - бесспорно-
льными декорациями, мудрость - поверхностной эру-
дицией, "божественная", "миргородовская" ирония заста-
вила меня не посмеяться над твоей усилкой, су-
ществиями мира, а оттого-то встать на защиту
существования этого мира.

Я укрепился в своей вере - она была и
в пору культа Уребешичукова - в Софокла, Христа,
Маяковского, Льва Толстого: те жалели людей, а
Уребешичуков над людьми потешался. Оттого-то мне
стала неприятна его "компания". Я укрепился в вере
в христианство, в западное мышление, в социализм,
в здоровый пафос, без которого трудно обходиться,
когда говорим о том, что забавит тебя по-насто-
ящему. Но главное - я укрепился в вере в себя; я
понял, что для того, чтобы такково объяснить, что
не я ~~хотел~~ хотел сказать по толку или
другому поводу, мне не нужно всё время уничи-
жать Бориса Уребешичукова, да и кого-то ~~других~~ суще-
стvene не нужно. Я читаю книги, о некоторых из
них я впервые услышал от БГ; я страю суждения
и основания некоторых принципов по мне ~~из~~ из тек-
стов БГ: никакого "раздвигания в кулиры" я не

испытываю, я живу своей жиз-
нью и с благодарностью помню
о том, что немалая часть её
была связана с этим вот бородачом, странно оде-
тым человеком и текстами, которые он создал.

"И теперь, когда растаела льды
под копытами валовой зари -
Таная вода,
платье бесконечной зимы, -
Это мы, Господи, зрягаму видны,
Я для нас повторю:
Бог есть свет, и в Нём нет
никакой тьмы".

Я всегда любил эту песню, она назы-
вается "День Радости". Эти, проведенные с творче-
скими Бориса Уребешичукова, были для меня днями
Радости, спасибо их создателю за это.

БГ, надо сказать, ~~еще~~ сочиняет новые
песни.

Моя учительница Наталья Александровна
выпустила свой тогдашний первый класс, да и сле-
дующий за ним, кажется, выпустила тоже.

Чем занимается Женя, я не знаю.
Я пишу это все.

- В работе много по 1 багги
- 1) За река в эсе - есть легкие погрешности
 - 2) же первая из «своих» слайдов -
он «простоват»:

Все остальное - очень радостно читать!

Лист ответов к заданию № 2 второго тура

Слайд № 1 (тема) Русский футуризм как попытка синтеза литературы и изобразительного искусства

3

Слайд № 2 (задача)

Проследить историю развития русского футуризма, особое внимание уделяя аспекту синтеза литературы и изобразительного искусства. Подробно рассмотреть влияние футуризма на дальнейшее развитие русской поэзии и, опираясь на полученные знания, наметить возможные пути будущего бытия футуризма

5

Слайд № 3

Линия
Центрифуга
Садык судей
Медальки поэзии
Идите к сердцу!

[группы и альманахи русских футуристов]
[что есть русский футуризм как явление литературы?]

x

Слайд № 4

Опыты в живописи и графике братьев Бурлюков, А. Е. Кручёных, В. В. Маяковского и др. Взаимовлияние литературы и изобразительного искусства в принципе, и как это отразилось на русском футуризме?

3

Слайд № 5

«Так на холоде каких-то соответствий
Вне протяжения было лицо».

[Велимир Хлебников как художник; живопись раннего периода творчества, графика, рисунки из путешествия в Персию]

Слайд № 6

«Поступил в Училище живописи, ваяния и зодчества»

↓
 [Владимир Маяковский как художник;
 «Окна сатиры РОСТА», рисунки из
 путешествия за Атлантический океан]

Слайд № 7

Визуальные эффекты поэзии этого периода...

↓
 [Поэзия и изобразительное искусство у футуристов не только соседствуют, но и сочетаются в пределах одного произведения. Аналогии с Западной Европой: каллиграммы Э. Аполлинера]

Слайд № 8

Футуризм после футуризма. Попытки русских поэтов 1920-1940 гг. синтезировать поэзию и изобразительное искусство. Графика Ф. Хармса и других обэристов. (Также: живописец П. Филонов как поэт - «Пропевень о профессии мировой», попытка Филонова синтезировать живопись уже не с литературой, а с музыкой: картина «Симфония Мостак-Ковича»)

Слайд № 9

Футуризм после футуризма. Попытки русских поэтов 2-й половины XX века синтезировать поэзию и изобразительное искусство. Графика В. Сосноры. Видео-мы А. Вознесенского. Роль графики в поэзии Э. Айтматова и А. Алыбаева. Московский концептуализм как попытка такого синтеза: опыт Э. Пригова и Л. Рубинштейна. Искусство перформанса. Возможные пути развития русского футуризма по указанной линии